

Ундина — эпизод 1 из 29

Бывали дни восторженных видений;
Моя душа поэзией цвела;
Ко мне летал с вестями чудный Гений;
Природа вся мне песнию была.
Оно прошло, то время золотое;
С природы снят магический венец;
Свет узнанный свое лицо земное
Разоблачил, и призракам конец.
Но о Мечте, как о весенней птичке,
Певавшей мне, с усладой помню я;
И Прелести явленьем по привычке
Любуется, как встарь, душа моя.
Здесь есть одна жива как вдохновенье,
Как ясная надежда молода
На душу мне ее одно явление
Поэзию наводит завсегда...
Перед пустой когда-то колыбелью
Задумчиво-безмолвен я стоял.
Кто обречен святому новоселью
Тобой в жильцы? судьбу я вопрошал.
И с первою блеснувшей мне денницей
Уж милый гость в тон колыбели был;
Он в ней лежал под царской багряницей,
Прекрасен, тих, как божий ангел мил,
Года прошли и мой расцвел младенец,
Прекрасен, тих, как божий ангел мил;
И мнится мне, что неба уроженец
Утехой в нем на землю прислан был.
Его-то я порою здесь встречаю,
Как чистую Поэзию мою;
Им иногда я душу воскрешаю;
При нем подчас, забывшись, и пою.

Лет за пятьсот и поболее случилось, что в ясный весенний
Вечер сидел перед дверью избушки своей престарелый
Честный рыбак и починивал сеть. Сторона та, в которой
Жил он, была прекрасное место. Луг, где стояла

Хижина, длинной косою входил в широкое лоно
Моря: можно было подумать, что берег душистый
В светло-лазурные, чудно-прозрачные воды с любовью
Нежной теснился, что море, влажной трепещущей грудью
Нежно прижавшись к нему и его обнимая, пленялось
Свежестью шелковой зелени, блеском цветов и прохладой
Темных сеней древесных. Правда, в краю том немного
Было людей: рыбак с женою, и только; дремучий
Лес отделял полуостров от твердой земли. И ужасен
Был тот лес своей темнотой неприступной; и слухи
Страшные были об нем в народе; там было нечисто:
Злые духи гнездились в нем и пугали прохожих
Так, что не смели и близко к нему подходить. Но смиренный
Старый рыбак не боялся враждебных духов; на продажу
Рыбу носил он в город, лежавший за лесом; полон
Набожных мыслей, входил он в его глубину, и ни разу
Там ничего он не встретил, хранимый небесною силой.
Сидя беспечно в тот вечер за неводом, вдруг он услышал
Шум в лесу, как будто бы топот коня и железной
Брони звук; он слушает: шум приближается; робость
Им овладела, и все, что до тех пор в ненастные ночи
Снилось ему о таинственном лесе, представилось разом
Мыслям его; особенно ж один, великанского роста,
Белый, всегда головою странно кивающий. В темный
Лес он со страхом глядит, и ему показалось, что в самом
Деле сквозь черные ветви смотрит кивающий призрак.
Вспомнив однако, что все никакой еще не случилось
С ним беды ни в лесу, ни в избушке, в которой так долго
Жил он с женою вдвоем, что нечистый над ними не властен,
Он ободрился, прочел молитву, и сделалось скоро
Даже ему и смешно, когда он увидел, какую
Шутку с ним глупая робость сыграла: кивающий образ
Был не что иное, как быстрый ручей, из середины
Леса бегущий и с пеной впадающий в озеро; шум же,
Слышанный им, был от рыцаря: шагом на белом
Бодром коне из чащи лесной он ехал и прямо
К хижине их приближался. Мантией алого цвета
Был покрыт его фиолетовый, золотом шитый
Стройный колет; на бархатном черном берете вилися

Белые перья; висел у бедра на цепи драгоценной
Меч с золотой рукоятью искусной работы; а белый
Рыцарев конь был статен, силен и жив; он, копытом
Легким едва к луговой мураве прикасаясь, воздушной
Поступью шел и, сгибая красивую шею, как лебедь,
Грыз узду, облитую пеной. Старик, пораженный
Видом статного рыцаря, невод покинул и, снявши
Шляпу, смотрел на него с приветной улыбкой. Приблизась,
Рыцарь сказал: Могу ль я с конем найти здесь на эту
Ночь убежище?